

ДИСКУССИИ

«ХОЗЯЙНИЧАНЬЕ КЛАКИ»

ИЛИ «НЕОГРАНИЧЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»?

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

*Гусев Алексей Викторович — к.и.н.,
доцент кафедры истории общественных
движений и политических партий
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Известный спор Розы Люксембург с большевиками об их политике после прихода к власти в России¹ часто интерпретируется в литературе как спор о методах. Большевики применяли и оправдывали суровые

авторитарные способы революционных преобразований, в то время как Роза Люксембург, поддерживая их политику в целом, выступала за более демократичные и гуманные методы, за «революцию с человеческим лицом». Но, поскольку большевики пришли к власти в тяжелейших условиях, в разоренной, расколотой стране, то суровость и даже жестокость их действий в общем была объективно обусловлена ситуацией, а Роза Люксембург критиковала их с нормативно-идеалистических, морализаторских позиций. Поскольку в основном и главном — в вопросе об установлении в России диктатуры пролетариата — Люксембург и большевики были едины, эта критика носила, по сути, частный характер, будучи связана лишь с тактическими разногласиями. Таково расхожее представление о сути полемики.

Однако подобная трактовка игнорирует важный факт: разногласия Розы Люксембург с В. И. Лениным и Л. Д. Троцким касались не только тактики революционеров, каких-то частных аспектов; речь шла о самой сущности диктатуры пролетариата как теоретического понятия и политического явления.

Американский исследователь Хэл Дрейпер в третьем томе своего фундаментального труда «Теория революции Карла Маркса»² показал, что под «диктатурой пролетариата» К. Маркс и Ф. Энгельс понимали не что иное, как просто политическую власть рабочего класса. О власти пролетариата основоположники марксизма писали и говорили многократно — и в нескольких случаях использовали вместо слова

¹ Свои критические размышления о деятельности и теоретических воззрениях большевиков Роза Люксембург изложила в «Рукописи о русской революции», написанной в тюрьме летом-осенью 1918 г. См.: Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М., 1991.

² Draper H. Karl Marx's theory of revolution. Volume III. The "dictatorship of the proletariat". NY, 1986.

«власть» слово «диктатура». Таких мест в их сочинениях насчитывается двенадцать. Из анализа этих случаев ясно, что Маркс и Энгельс не имели в виду под «диктатурой» форму правления или политический режим, то есть неограниченную, дискреционную власть, опирающуюся только на насилие и ликвидирующую демократические институты. Не подразумевали они под ней и какую-то особую разновидность демократии «только для рабочих», с лишением или ограничением политических прав представителей других классов. Для основоположников марксизма такая трактовка диктатуры пролетариата просто не имела смысла, поскольку пролетарская революция мыслилась ими как революция огромного большинства трудящихся против многочисленных эксплуататорских классов, а правление большинства вовсе не нуждается в отмене демократии для кого бы то ни было. Об этом совершенно определенно говорится уже в «Манифесте Коммунистической партии», где вообще отсутствует выражение «диктатура пролетариата», и приход рабочего класса к власти описывается другими словами: «завоевание демократии»³.

Диктатуру пролетариата Маркс и Энгельс понимали как социальное господство пролетариата, подразумевающее не сужение, а, наоборот, расширение демократических принципов. Политической же формой этого господства пролетариата они считали демократическую республику, на что прямо указывали как Энгельс, так и Маркс в его работах о Парижской Коммуне, которая опиралась на всеобщее избирательное право. Термин «диктатура» не имел, таким образом, специфически политического содержания, обозначая лишь то, что демократическое государство будет проводить социально-экономические преобразования вопреки интересам эксплуататорских меньшинств – точно так же, как любое буржуазное государство проводит политику, направленную против интересов пролетариата, и в этом смысле является «диктатурой буржуазии» вне зависимости от своих политических форм.

Иными словами, по Марксу и Энгельсу, диктатура пролетариата как таковая не могла не быть демократией. Аналогичным образом понимала данный вопрос и Роза Люксембург. «Диктатура пролетариата, - писала она в одной из статей в ноябре 1918 года, - это демократия в социалистическом смысле»⁴, то есть демократия, вышедшая из-под буржуазного контроля и направляемая против буржуазии. «Диктаторство» исчерпывается здесь, по словам автора, «энергичными, решительными вторжениями в благоприобретенные права и экономические отношения буржуазного общества»⁵. Но политические формы демократии вовсе не отбрасываются – эта «оболочка» просто наполняется новым социальным содержанием. Более того, рамки политической

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 3. М., 1985. С. 159.

⁴ Люксембург Р. Указ. соч. С. 16-17; Luxemburg R. Selected political writings. L., 1972. P. 264-265.

⁵ Люксембург Р. Указ. соч. С. 331.

демократии и свободы должны расширяться до крайних пределов: Люксембург даже определяет диктатуру пролетариата как «неограниченную» демократию⁶, не скованную социальным господством капиталистического меньшинства над трудящимся большинством. Только такая демократия способна выполнить главную миссию диктатуры пролетариата – строительство социализма. Ведь если социализм есть самоосвобождение масс, то переход к нему не мыслим иначе, как через их полное самоуправление. «Социализм, - пишет Люксембург в «Рукописи о русской революции», - по самой его природе невозможно октроировать, ввести указами... Негативное, разрушение можно декретировать, но строительство, позитивное – нельзя». «Только неограниченная, бурлящая жизнь», «участие всей массы народа» создает возможность для продвижения к социализму⁷.

Именно из такого концептуального представления о диктатуре пролетариата и вытекала критика Розой Люксембург большевистской практики и соответствующих теорий Ленина и Троцкого.

Чтобы увидеть, что дело здесь не в тактических, а в более глубоких разногласиях, нужно рассмотреть, что же представляла собой ленинско-большевистская концепция диктатуры пролетариата. В отличие от представлений Розы Люксембург, она существенно расходилась с концепцией Маркса и Энгельса. Причем ленинская доктрина диктатуры пролетариата возникла не под воздействием сложной обстановки и сопротивления контрреволюции в 1917-1918 гг., а гораздо раньше. Уже в 1902 году, во время дебатов при подготовке II съезда РСДРП Ленин связывал перспективу установления диктатуры пролетариата в ходе российской революции с тем фактом, что пролетариат в России составляет меньшинство. Если бы он был в большинстве, полагал лидер большевиков, можно было бы обойтись демократией, – но меньшинство не может править иначе, чем при помощи диктатуры⁸. Таким образом, в понимании Ленина диктатура пролетариата представляла собой специфический политический режим, авторитарный по своему характеру – диктатуру меньшинства над большинством. Уже здесь мы видим ту мысль, которую Ленин прямо сформулировал в 1919 году: «Диктатура есть отрицание демократии»⁹.

Последствия такого подхода для Розы Люксембург были очевидны, и она пишет о них в своей Рукописи: ликвидация в России гражданских и политических свобод, свободы мнений, альтернативных выборов и пр. неизбежно ведет к угасанию социальной активности населения; «единственным деятельным элементом» в большевистской системе останется бюрократия; произойдет «одичание общественной жизни»;

⁶ Люксембург Р. Указ. соч. С. 330.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1967. С. 229.

⁹ Там же. Т. 39. С. 456.

будет процветать коррупция; Советы, провозглашенные основой нового режима, превратятся в фикцию¹⁰. Такую систему, пишет Люксембург, вообще нельзя назвать диктатурой пролетариата: «По сути это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, то есть диктатура в чисто буржуазном смысле»¹¹. А подобная «диктатура буржуазного типа» к строительству социализма не способна в принципе.

Таким образом, с одной стороны, Роза Люксембург признавала, что большевики действительно установили в России диктатуру пролетариата, но, с другой, приходила к выводу, что эта «искаженная», по ее словам, диктатура трансформируется в нечто иное, теряя свой пролетарский характер. Очевидно, что здесь перед нами спор не о методах, не о тактике, а о сущностных принципах устройства революционного государства.

Применение концепции диктатуры пролетариата как «неограниченной демократии» к послереволюционной России порождало, однако, одну серьезную проблему, на которую, как уже отмечалось, обращал внимание Ленин: возможно ли демократическое осуществление власти рабочего класса в стране, где подавляющее большинство населения составляют не рабочие, а крестьяне? Для Маркса и Энгельса такой проблемы не существовало, так как они мыслили социалистическую революцию исключительно в высокоразвитых капиталистических странах с пролетаризованным обществом. Но в России, даже если поддержка крестьянами прихода к власти пролетарской партии действительно имела место, это было связано, как признает сама Люксембург, «только с вопросом о мире и земле»¹². Многомиллионное крестьянство, которое в марксистской терминологии именовалось «мелкой буржуазией», имело свои интересы, далеко не во всем совпадавшие с устремлениями промышленного рабочего класса, и это несоответствие рано или поздно должно было проявиться – особенно, в случае развертывания в стране преобразований чисто социалистического характера. Понимала ли Роза Люксембург, что в этом случае практические шансы демократического осуществления диктатуры пролетариата станут призрачными?

Прямо она нигде эту проблему не рассматривает. Однако косвенно все же дает свой ответ: диктатура пролетариата в России, выросшая из внутренней логики революции и международной логики мировой войны, не может по-настоящему утвердиться и развиваться, оставаясь ограничена пределами одной страны. Об этом Люксембург пишет в статье «Русская трагедия»¹³, а в письме К. Цеткин в ноябре 1917 г. прямо утверждает: «С этим не распутываемым хаосом ленинцы, разумеется, не спра-

¹⁰ Люксембург Р. Указ. соч. С. 330.

¹¹ Там же. С. 330.

¹² Там же. С. 326.

¹³ Там же. С. 305-306.

ваться»¹⁴. Только выход революции на международную арену, распространение ее на передовую Европу, где численно и политически доминирует рабочий класс, может спасти российскую диктатуру пролетариата от гибели под грузом противоречий в отсталой стране. Эта мысль четко выражена Розой в заключительном абзаце «Рукописи»: «В России проблема могла быть только поставлена. Она может быть решена только интернационально»¹⁵.

Такой подход был в целом схож с подходом большевиков, которые тоже связывали все свои расчеты с перспективой мировой революции. Но было и отличие: если большевики считали главной задачей удержаться в своей «осажденной крепости» до прихода мировой революции и готовы были ради этого удержания власти на подавление свободы российских трудящихся, то Роза Люксембург считала, что способствовать интернационализации революции способен лишь позитивный пример уже существующей в России диктатуры пролетариата, а политика большевиков, которую она критиковала, такого позитивного примера не создает¹⁶.

Таким образом, концепция диктатуры пролетариата, которой придерживалась Роза Люксембург, основывалась на марксистской идее общественного самоуправления, в то время как ленинизм исходил из идеи власти революционного авангарда. Как полагают многие современные историки, реальная ситуация в России в 1917-1918 гг. оставляла мало простора для реализации самоуправленческих и демократических принципов. В этом смысле большевики, возможно, были более «практичными» политиками, чем Роза Люксембург. Однако не подлежит сомнению, что марксистскую программу, верность которой они декларировали, они не осуществили, а пришли к совсем другим, можно даже сказать, противоположным в конечном итоге результатам. И критика их Розой Люксембург по вопросу о диктатуре пролетариата – один из тех ключей, которые помогают нам понять, почему это произошло.

¹⁴ Люксембург Р. Указ. соч. С. 335.

¹⁵ Там же. С. 333.

¹⁶ Там же. С. 332.
